

DOI 10.15393/j9.art.2015.3001

УДК 821.161.1.09"19"-3

Сергей Федорович Дмитренко*Литературный институт им. А. М. Горького**(Москва, Российская Федерация)*

sergdmitrenko@yandex.ru

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ И ПАСХАЛЬНЫЕ ТЕМЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Ю. П. МИРОЛЮБОВА

Аннотация. Писатель русского зарубежья Юрий Петрович Миролюбов (1892—1970) много писал о славянских древностях. Его имя связывается с происхождением легендарной «Велесовой книги». В данной статье в широком историко-литературном контексте рассматривается его оригинальное литературное творчество, тематически связанное с Рождеством и Пасхой. Сын священника, Миролюбов смог создать самобытные святочные и пасхальные истории. Он вернул уже сложившуюся жанровую традицию рождественской (святочной) и пасхальной литературы к ее фольклорным истокам, освободил от сугубо литературных наслоений и сюжетных стереотипов. Юрий Миролюбов стремился вывести рождественские и пасхальные сюжеты за рамки нравоучительной (тем более, развлекательной) словесности, поместить их в русло народной, «русской эпопеи». Так назвал «Лето Господне» И. С. Шмелев, посвоему также обновивший канон русской календарной (рождественской и пасхальной) литературы. В художественной прозе Юрий Миролюбов выступал как ученый-этнограф, чуткий записчик бытовых явлений и психологических состояний. Зато в тех трудах, которые Миролюбов относил к научным, он становился вольным художником, свободно обращающимся со сложнейшим и слабо исследованным материалом, тем не менее существующим в заповедных глубинах народного сознания.

Ключевые слова: Ю. П. Миролюбов, рождественский рассказ, пасхальный рассказ, русский фольклор, русское зарубежье

Изучение жанровой традиции русских рождественских (святочных) и пасхальных рассказов в России по известным причинам развернулось только в перестроечное время. Здесь общепризнан основополагающий вклад Е. В. Душечкиной (резюмирующие издания: [8], [9], [10]) и Х. Барана [1], [2], [8]. Остро представлена проблема исследования русского пасхального рассказа в статье В. Н. Заха-

рова [14], рождественских и пасхальных архетипов — в работах И. А. Есаулова (в частности: [11], [12]). Известно немало и других работ названной тематики и проблематики [3], [5], [6], [16], [17], [18]. Вместе с тем нельзя не признать, что многое здесь пока остается не только не изученным, но даже вполне не описанным.

Рождественские (святочные) и пасхальные мотивы проявляются не только в соответствующих жанровых формах (отдельная проблема — их воплощение в поэзии), но и в самых различных прозаических текстах. Будучи связанными с современными изданиями, эти мотивы создавали широкий историко-культурный контекст, в силу ряда обстоятельств совершенно не осмысливавшийся. А он существовал, например, не только в «Русском Вестнике», но и в «Отечественных Записках» М. Е. Салтыкова и Н. А. Некрасова, в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича и др.

Особая проблема — судьба этой жанровой традиции после октябрьского переворота и гибели императорской России. Она не исчезла, а, приобретя различные модификации, существовала даже в советской подцензурной печати (см.: [7]). И тем более эта традиция сохранялась в литературе русского зарубежья. Так, еще в 1925 году В. В. Набоков публикует свои первые произведения — рассказ «Рождество»¹ и до недавнего времени не известный широкому кругу читателей и исследователей «Пасхальный дождь»², а И. А. Бунин рассказом «Ида» начинает свой изгнаннический свод «календарных текстов» (термин Е. В. Дущечкиной), идущий к «Чистому понедельнику» (1944).

В 1924 году М. П. Арцыбашев печатает рассказ «Братья Аримафейские»³. Продолжала писать святочные и пасхальные рассказы Тэффи⁴. В романе «Лето Господне» (1933—1948) И. С. Шмелева рождественским и пасхальным главам придано лейтмотивное значение.

В целом для русских писателей первой волны изгнания было свойственно ретроспективно-аксиологическое отношение к святочным и пасхальным сюжетам: эти православно-христианские праздники и само приготовление к ним становились свидетельством существования вневременных,

метафизических основ человеческой нравственности и единения — в противовес большевистскому прагматизму, основанному на псевдорелигиозной риторике и профанациях церковных ритуалов (эта контрапунктная доминанта, в сатирическом ключе, очевидна, например, в святочных и пасхальных рассказах Тэффи).

Особые формы введения рождественских и пасхальных мотивов были найдены русскими писателями второй волны изгнания (1940—1950-е годы). Так, в 1953 году в нью-йоркском «Издательстве имени Чехова» вышел роман Л. Д. Ржевского (Суражевского⁵; 1905—1986) «Между двух звезд»⁶. Герои этого романа, по определению рецензента Романа Гуля, — «советские люди, очутившиеся между советской и американской звездами»⁷. В целом он признал книгу авторской неудачей. Между тем в романе содержится художественно выразительная сцена, которую нельзя не отметить, — это пасхальная служба на оккупированной фашистами Смоленщине, начатая важной подробностью: «немцы не разрешили субботней ночной службы», и заутреня была перенесена⁸. Есть в романе и мотив Рождества. В итоге на бытописательном фоне рождественско-пасхальные мотивы становятся важной сюжетосоставляющей частью произведения.

Обратим внимание и на творчество Б. Н. Ширяева (1889—1959)⁹. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета и Военной академии, участник Первой мировой войны (штабс-капитан), он в годы гражданской войны скрывался в горах Кавказа и как офицер был выдан горцами большевистским властям; приговорен к расстрелу, замененному заключением на Соловках. После освобождения в 1929 году неоднократно подвергался репрессиям. Оказавшись на захваченном гитлеровцами Северном Кавказе, был редактором ставропольской газеты «Утро Кавказа», издававшейся оккупационными властями. Вместе с отступавшими немецкими войсками двигался в западную часть Европы, затем оказался в Италии; преследованиям не подвергался, что свидетельствует об отсутствии в его деятельности (работа в немецкой газете) состава преступления;

в 1950-х годах перешел в католичество. Кроме написания прозаических произведений, занимался литературоведением и критикой (см.: [26]). Как вспоминал Б. Н. Ширяев, «в семье его отсутствовало религиозное воспитание. <...> Впервые на фронте, когда жизнь была в опасности, Б. Н. стал молиться. Соловецкая каторга явилась для него поворотным пунктом. “Соловки, — говорит он, — поистине святой остров. Его атмосфера такова, что там нельзя не прийти к Богу”» [26, 7—8].

Книге «Неугасимая лампада» (1954), повествующей о большевистской каторге на Соловках, Б. Н. Ширяев предпослал строки: «Посвящаю светлой памяти художника Михаила Васильевича Нестерова, сказавшего мне в день получения приговора: “Не бойтесь Соловков. Там Христос близко”»¹⁰. Три эпизода: празднование Рождества в узилище (239—247), стрельба военкома Сухова в Распятие с последующим его покаянием (320, 328—329) и пасхальная заутреня в кладбищенской церкви на Соловках (394—399) — композиционно сходны с соответствующими страницами «Лета Господня» И. С. Шмелева. Как точно отметила В. Крылова, «вся книга Б. Ширяева, и это и есть в ней самое ценное, пронизана верой в то, что Дух человека не может быть сломлен самыми тяжелыми, страшными испытаниями. Дух восторгается над всем, нужно пройти тяжелый путь испытаний. “Страданием очистишься”, — говорил один из евангелистов»¹¹. К этому следует только добавить, что неисчислимым страданиям, принесенным народу «дьяволовой властью» большевизма, противопоставлено не просто человеческое мужество, укрепляемое профессиональной или сословной честью, а именно религиозный стоицизм, основанный на вере в нравственное чудо Рождества Христова и Пасхи Господней.

Свое место в контексте всех вышеназванных произведений занимает творческое наследие Юрия Петровича Миролюбова (1892—1970). К сожалению, о нем нет статей ни в одной из литературных энциклопедий, а его имя в последние десятилетия звучит у нас в России, как правило, в скандальной тональности. Это связано с изучением текста, известно-

го как «Велесова (Влесова) книга», авторство которой приписывается Миролюбову¹². Некоторые соображения по этому поводу будут изложены мною ниже. Вначале считаю необходимым обратиться к собственно художественному, прозаическому творчеству Ю. П. Миролюбова и конкретно — к тем его произведениям, в которых присутствуют святочные и пасхальные мотивы.

Причин тому несколько. Во-первых, не научное, а конъюнктурно-публицистическое отношение к творческому наследию Миролюбова мешает полноценному рассмотрению версии о нем как авторе «Велесовой книги». Во-вторых, наследие писателя имеет своеобразнейшее в религиозном и литературном смысле содержание. Наконец, в-третьих, святочные и пасхальные темы у Миролюбова нуждаются в помещении их в соответствующий контекст этой традиции, развивающейся в русской литературе.

Основным источником биографических сведений о Ю. П. Миролюбове остается неподписанный вступительный очерк «Юрий Миролюбов (1892—1970)» к его книге «Сказ о Святославе Хоробре Князе Киевском»¹³. Приведем некоторые сведения из него, прямо относящиеся к теме настоящей работы.

Юрий Петрович Миролюбов родился 30 июля (11 августа по нов. ст.) 1892 года в городе Бахмут Екатеринославской губернии. Его отец, православный священник, погиб в годы гражданской войны в застенках киевской ЧК. Мать, урожденная Лядская, происходившая из запорожского казачьего рода, скончалась в 1933 году на Украине. В семье, кроме Юрия, были еще два брата и сестра. Средний брат, штабс-капитан, также погиб в гражданскую войну. Старший брат и сестра остались на родине.

Детство и юность Миролюбова прошли на Украине и на Кубани. По желанию отца он поступил в духовное училище, затем перешел в гимназию. Окончив ее, учился в Варшавском, а затем в Киевском университете на медицинском факультете. В начале Первой мировой войны вольноопределяющимся отправился на фронт, имел чин прапорщика. После катастрофы 1917 года Юрий Петрович вступил в вооружен-

ные силы Центральной Рады, затем ушел на Дон, где воевал у Деникина. В 1920 году покинул Россию.

В изгнании Миролюбов учился в Пражском университете, но был вынужден его оставить из-за последовательно антикоммунистических взглядов. К этому времени (1922) также, вероятно, относятся его первые публикации в пражском ежемесячнике Союза русских студентов «Студенческие годы». Оказавшись в Бельгии, работал в химической лаборатории Лувенского университета, химиком на металлургических предприятиях. Возможно, первая книга Миролюбова — сборник стихотворений «Два света» (Брюссель, 1925) (см: [19, 426]). В 1936 году женился, жена Галина после кончины писателя стала издателем его наследия. С 1954 года Миролюбовы жили в США, где Юрий Петрович в 1955—1959 годах редактировал ежемесячный литературно-художественный журнал «Жар-Птица» (Сан-Франциско). Это почти не известное у нас издание, выходившее порой тиражом 100 экземпляров, представляет значительный интерес¹⁴. Так, его постоянным автором был Борис Ширяев; здесь обсуждались острые социально-политические и литературные проблемы.

Страдая с середины 1950-х годов тяжелой формой артрита, Миролюбов продолжал литературную и публицистическую деятельность. Решив в 1970 году вместе с женой переселиться на ее родину, в Германию, Юрий Петрович отправился в путешествие через Атлантику. Но дорога оказалась для него роковой. Он заболел воспалением легких и скончался на борту корабля. По свидетельству жены, уже теряя сознание, «Юрий Петрович, будучи глубоко верующим православным христианином, перекрестился почти парализованной артритом рукою»¹⁵.

Литературное наследие Ю. П. Миролюбова известно по изданиям его вдовы, которые не имеют никакого научного аппарата (например, даже не указаны годы создания произведений)¹⁶. Основное место среди трудов писателя занимают работы о славянских древностях. Произведения, связанные с современностью, представляют три книги из общего числа изданных.

Сборник «Родина-мать» составлен из стихотворений Ю. П. Миролюбова. Пасхальные и рождественские темы присутствуют в стихотворениях, образовавших завершающий раздел книги — «Медный гром — Колокола». Его открывает эпиграфическая строчка: «Трезвон гремит в воспоминаньи...» (из стихотворения «Спас на Руси»). Здесь помещены стихотворения: «Вербная неделя (Лубок)», «Завтра Страстная Седмица...», «Страстная Седмица», «Пасхальные колокола», «Теплынь (Лубок)», «Спас на Руси», «Предзимье», «На Руси — Рождество Христово — свет разума», «Голуби жмутся под стрехами...», «Рождество Христово», «Рождество», «Рождество стоит за пряслом...», «Скоро нам младенец ясный...» (завершающее книгу). Другие стихотворения раздела: «Макавей», «Воздвиженье», «Филипповка», «Слава Богу, — снега много...» — также связаны с православными календарными праздниками.

Сборник «Бабушкин сундук» составили рассказы о дооктябрьском детстве и отрочестве автора. К нему примыкает другой «сборник рассказов» — «Прабкино учение», составленный с большей целенаправленностью: рассказы, в него вошедшие, связаны между собой не только тематикой, но и проблематикой («особенности православного христианства»¹⁷). В предисловии к книге отмечается: «...автор не чувствует принципиальной разницы между языческим религиозным мировоззрением и христианским. Такое отношение полностью соответствует действительной религиозной жизни людей, в которых старые религиозные представления занимают такое же важное место, как и новоепринятое христианство, и из обоих возникает гармоническое целое»¹⁸.

Нам неизвестно, кто был составителем сборников Ю. П. Миролюбова, однако необходимо отметить, что из сборника «Бабушкин сундук» (23 рассказа) в сборник «Прабкино учение» (15 рассказов) перешел рассказ (фактически очерк, эссе) «Пасха на Руси», став заглавным. По сути, перед нами идейно-творческое кредо автора, сжатое выражение его мировоззренческих установок.

«Пасха — праздник весны, на нашей родине приобретал такое же всеобъемлющее значение, как праздник ведийцев,

славивших возвращение Индры после того, как зима уходила, и первые побеги священной травы — Сомы, начинали тянуться к небу», — начинает рассказ Ю. П. Миролюбов. По его выводам, «если на Руси не все <...> обычаи наших пращуров-ведийцев соблюдались, то многие из них имели место на Пасху, как крашенки, агнец и творог с медом (сырная пасха), другие на Троицу — зеленое ключево, сено на земле, на полях и даже на дворах (на Днепре), а самый пасхальный ягненок носил имя Сурьи (Сурия ведийцев — вешнее солнце), и ягненок таким образом был символом солнца, огня, Весны»¹⁹.

Для Миролюбова очевидно, что христианская религия «одухотворяла *материю существования*, она была *энергией* от этой материи. Христос — символ Бога в Человеке, был в то же время символом Вечной Любви». Отсюда главенствующее значение праздника Пасхи в Православии. По убеждению автора, «наши далекие пращур-ведийцы имели религию, какую иначе как “прехристианством” назвать невозможно. Эту религию русский человек сохранил и воплотил в *обычаях старины*, а Православное Христианство дало лишь догматическое и моральное утверждение этой религии, выражаемое иными словами (курсивы Ю. П. Миролюбова. — С. Д.)»²⁰.

Эти теоретические посылы Ю. П. Миролюбова следует соотносить с эмпирическим материалом, содержащимся в его рассказах. Причем он стремится здесь как можно дальше отойти от аналитических выкладок, создать образную ткань повествования. Так, рассказ с риторическим заглавием «Старое и вечное» становится маленькой поэмой в прозе в духе «Антоновских яблок» Бунина, а в целом рассказы Миролюбова, полагаю, должны соотноситься с традициями русской прозы Серебряного века и последующего их развития в изгнании.

Большинство рассказов Ю. П. Миролюбова не датированы (едва ли не единственное исключение — рассказ «Бабушкин сундук» с пометой: «Бельгия, 1947 г.»). Но можно допустить, что окончательно своды его рассказов складывались уже в послевоенное время и тем самым должны быть поставлены в тогдашний литературный контекст. А в нем одним

из главных событий был выход в Париже в 1948 году книги И. С. Шмелева «Лето Господне» (началась печататься в 1933 году). Рассказы Миролюбова соотносятся с произведением Шмелева не только как автобиографические сочинения. Важнее здесь именно не сходство, а различие. Если Шмелев с этнографической дотошностью и с художественной силой изображает городское (даже московское) бытование православия конца XIX века, то Миролюбов сосредоточен на воспроизведении особенностей реликтового быта православных людей, не только сохраняющихся, но и воспроизводящихся в русско-украинской глубинке того же времени.

Историко-этнографические труды Миролюбова неизменно вызвали резкую критику исследователей. Так А. А. Алексеев отмечал, что «этому автору присущ не просто дилетантизм, но дилетантизм принципиальный — сознательно вызывающее игнорирование всех накопленных наукой знаний» [25, 168]. Но его основанные на реальном бытовом материале рассказы очень убедительны.

Напрашивается парадоксальный вывод: в художественной прозе Ю. П. Миролюбов выступал как ученый-этнограф, чуткий записчик бытовых явлений и психологических состояний, а в тех трудах, которые он относил к научным, становился вольным художником, свободно обращающимся со сложнейшим и слабо исследованным материалом, тем не менее существующим в заповедных глубинах народного сознания.

Вклад Ю. П. Миролюбова в развитие рождественской и пасхальной тематики в русской литературе самобытен и, несмотря на малую известность его произведений, весом. Он «как верующий христианин и сын священника, никогда не ставил свое уважение к старым традициям как нечто противоположное христианству, или как критику на него»²¹. Писатель вернул уже сложившуюся жанровую традицию рождественской (святочной) и пасхальной литературы к ее фольклорным истокам, освободил от сугубо литературных наслоений и сюжетных стереотипов. Всячески подчеркивая важность этой традиции, Ю. П. Миролюбов стремится вы-

вести рождественские и пасхальные сюжеты за рамки нравоучительной (тем более, развлекательной) словесности, ввести их в русло народной, «русской эпопеи» [21, 238], как назвал «Лето Господне» ее автор И. С. Шмелев, по-своему также обновивший канон русской календарной (рождественской и пасхальной) литературы.

В связи с этим необходимо вернуться к так называемой «Велесовой книге», которую сам Ю. П. Миролюбов называл очень осторожно: «Дощьки Изенбека» — по фамилии человека, с которым связывается начало этой запутанной истории. В книге «Русская мифология» Миролюбов пишет: «Мы вообще не хотели публиковать текста “Дощек Изенбека”, потому что такие публикации всегда вызывают дружное возмущение всех, кто даже и “Слово о полку Игореве” считает подделкой. Критиков мы боялись, потому что обладаем незапятнанным именем и не желали его делать нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текста и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть использовано нашими политическими врагами, большевиками. <...> Мы заявляем, что “Дошъки Изенбека” являются лишь тем, что они есть <...>. Серьезное изучение как языка “Дощек”, так и их содержания, исторического значения, или религиозного, вероятно, придет значительно позже, когда “страсти” улягутся. Этим мы хотим сказать, что никаких, слишком радикальных выводов из текстов мы лично *не делаем* (курсив Ю. П. Миролюбова. — С. Д.) и считаем, что сделать их можно будет лишь значительно позднее, когда ученые привыкнут к документу. Это отнюдь не является отрицанием “Дощек”, ибо мы уверены, что они будут в будущем признаны весьма важными, но мы хотим лишь заявить, что их содержание нами не изучено, и никаких теорий на их основании мы не строим»²².

Таким образом, Ю. П. Миролюбов подводит исследователь его трудов к изучению двух версий авторского отношения к «Велесовой книге». Первая: он не имеет к ее истории никакого отношения, но его знакомство с этой книгой внесло существенные коррективы в принципы как художественного, так и исследовательского творчества Миролюбова.

Вторая: если «Велесова книга» — действительно произведение Миролюбова и известного круга лиц, то приведенное выше заявление является очевидным выражением долгосрочной творческой стратегии самого Миролюбова, его стремлением экстравагантным образом обратить внимание соотечественников на особенности русского (главным образом, православного) мировосприятия, описанием и изучением которого он занимался долгие годы. Но, разумеется, проверка этих предположений выходит далеко за рамки настоящей работы.

В заключение считаю своим долгом помянуть самыми добрыми словами бескорыстного друга русской литературы и культуры, выдающегося исследователя, профессора Кельнского университета Вольфганга Казака (1927—2003). Именно благодаря его многолетней помощи и предоставленным материалам смогла состояться эта работа.

Примечания

¹ Газета «Руть». 1925. 6 и 8 января.

² Еженедельник «Русское эхо». 1925. № 15. Оба рассказа опубликованы в изд.: Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 1.

³ Арцыбашев М. П. Подъ Солнцемъ: Книга рассказовъ. Варшава: Добро, 1924. С. 98—114.

⁴ К сожалению, святочные и пасхальные рассказы Тэффи не собраны в один сборник и должным образом не исследованы. Так, в современном собрании сочинений Тэффи из послеоктябрьских «календарных» произведений воспроизведен только ее «Пасхальный рассказ» (Тэффи Н. А. Собрание сочинений. М.: Лаком, 2001. Т. 7: Все о любви: избр. произведения. 382 с.). Первая его публикация: Сегодня. 1934. 8 апреля. Кроме него, известны: «Святочные советы: Приметы, гадания и толкования снов» (Возрождение. 1927. 14 января), «Пасхальная сказка» (Сегодня. 1929. 31 марта), «Святочный рассказ» (Возрождение. 1931. 1 января), «Чучело: Рождественский ужас» (Иллюстрированная Россия. 1933. 20 декабря; также: Возрождение. 1931. 11 января; ср. ее дооктябрьский рассказ «Когда рак на горе свистнул: Рождественский ужас»), «Под Рождество» (Возрождение. 1936. 5 января; он же — под названием «Страшная история»: Сегодня. 1936. 6 января), а также «Сладкие воспоминания: Рассказ нянюшки», «На Новый, 1927 год» (за помощь в подготовке

этой справки выражаю искреннюю признательность Е. М. Трубиловой). Ср. произведение Тэффи с рождественскими мотивами, можно сказать, переходного периода: «Мемуары» (Новый Сатирикон. 1917. № 12; известна републикация в московской газете «Домашнее чтение» — 1992. № 2. Сентябрь. С. 14, а также в кн.: Тэффи. Контрреволюционная буква: Рассказы. Фельетоны / сост., подгот. текстов, предисл. и коммент. С. Князева. СПб., 2004. С. 92—97; здесь же см. самобытный в повороте темы рассказ «Воистину воскрес»).

⁵ 22 марта 1984 года Л. Д. Ржевский писал немецкому слависту В. Казаку: «“Ржевский” в настоящее время (то есть после принятия американского подданства в 1969 году) не псевдоним, но юридически единственная моя фамилия. В России фамилия моя была “Суражевский”, но под этой фамилией *типографски* (курсив Л. Д. Ржевского. — С. Д.) я ничего относящегося к художественной литературе не печатал; поэтому не упоминаю ее нигде. Но если Вы находите нужным — не возражаю» (цит. по предоставленной мне проф. В. Казаком ксерокопии этого письма).

⁶ Ржевский Л. Д. Между двух звезд. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 408 с. Ранее части этого романа печатались в журнале «Грани»: 1950. №№ 8, 9, 11; 1951. № 13.

⁷ Новый журнал. 1953. Кн. 34. С. 311. Ср. положительный отзыв Р. Гуля на позднейшую прозу Ржевского (Новый журнал. 1961. Кн. 65. С. 300—303), где он пишет об объективных причинах творческих проблем Ржевского в романе «Между двух звезд» и отмечает: «Ржевский, подлинный художник...». Обратим также внимание на подробную и по основным выводам благожелательную рецензию Н. Андреева на этот роман (Андреев Н. Роман и жизнь // Возрождение. 1955. № 37. С. 145—147).

⁸ Ржевский Л. Д. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 175—183. См. также современное российское переиздание: Ржевский Л. Д. Между двух звезд: Роман. Повести. Рассказы. М.: Терра-Спорт, 2000. С. 57—163.

⁹ Важным источником биографических сведений о Б. Н. Ширияеве является письмо его вдовы, Нины Ивановны Ширияевой (1902 — после 1984), от 15 декабря 1984 года, посланное из Вашингтона в Кельн В. Казаку. Оно легло в основу статей о Ширияеве В. Казака [15], П. Г. Паламарчука и А. И. Филатовой [20] и статьи П. Савельева [22]. Автор данной статьи также использует информацию из письма Н. И. Ширияевой, ксерокопия которого в 1996 году была получена от В. Казака.

¹⁰ Ширияев Б. Н. Неугасимая лампада. М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 3; см. пояснение посвящения — с. 314—315. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

¹¹ Крылова В. Б. Ширяев. «Неугасимая лампада» // Литературный современник. Мюнхен, 1954. С. 302.

¹² Вопросом о происхождении «Велесовой книги» задавались многие исследователи. Скептическая позиция выражена, например, в статье О. В. Творогова, завершая которую автор пишет: «...я попытался доказать, что та “Влесова книга”, о которой спорили в нашей печати в 70-х гг., вовсе не бесценный исторический источник, а мистификация, при этом созданная в весьма близкое от нас время» [23, 252]. Эта статья частично вошла в сводный сборник «скептиков» [25]. Точка зрения сторонников подлинности «Велесовой книги», скорее, публицистическая, а не научная, выражена в издании [4]. Из вступления к нему: «...в “Велесовой книге” нет ни антигуманных, ни антидемократических выпадов, ни антикоммунистических, ни шовинистических идей. Автор ее, кто бы он ни был, стремился научить своих соотечественников любить и защищать Русь» [4, 19]. См. также концептуальную статью А. А. Зализняка [13].

¹³ Юрий Миролюбов. 1892–1970 [Предисловие] // Миролюбов Ю. П. Сказ о Святославе Хоробре Князе Киевском. Поэма: в 2 кн. Аахен, 1986. Кн. 1. С. 5–10.

¹⁴ Краткая информация об этом журнале содержится в изд.: [24]. В Европе, кроме Британского музея, номера этого журнала есть в Bundesinstitut (Кельн).

¹⁵ Юрий Миролюбов. 1892–1970 [Предисловие]. С. 6.

¹⁶ Бабушкин сундук: Сборник рассказов. Мадрид: Б. и., 1974. 175 с.; Родина-мать: I. Законы Добра; II. Тоска по Родине; III. Родная Природа; IV. Голубая Звезда; V. Медный гром – Колокола. Мадрид: Ediciones Castilla, 1975. 191 с.;

Прабкино учение: Сборник рассказов. Мюнхен: Б. и., 1977. 112 с.;

Риг-Веда и язычество // Миролюбов Ю. П. Собрание сочинений. Мюнхен: Sagner, 1981. Т. 4. С. 1–262;

Русский языческий фольклор: Очерки быта и нравов // Миролюбов Ю. П. Собрание сочинений. Мюнхен: Sagner, 1982. Т. 5. С. 1–311;

Русская мифология: Очерки и материалы // Миролюбов Ю. П. Собрание сочинений. Мюнхен: Sagner, 1982. Т. 6. С. 1–294;

Материалы к преистории Русов // Миролюбов Ю. П. Собрание сочинений. Мюнхен: Sagner, 1983. Т. 7. С. 1–209;

Русский христианский фольклор // Миролюбов Ю. П. Собрание сочинений. Мюнхен: Sagner, 1983. Т. 8. С. 1–280;

Славяно-русский фольклор // Миролюбов Ю. П. Собрание сочинений. Мюнхен: Sagner, 1984. Т. 9. С. 1–160;

Фольклор на юге России // Миролюбов Ю. П. Собрание сочинений. Кельн: Gesamtherstellung Kleikamp, 1985. Т. 10. С. 1—181;

Миролюбов Ю. П. Сказ о Святославе Хоробре Князе Киевском. Поэма: в 2 кн. Аахен, 1986 и др. Сколько всего томов из сочинений Миролюбова вышло — у меня определенного ответа нет. Сам я располагаю девятью томами, это же число называет О. В. Творогов [23, 71], Д. М. Дудко пишет о 19 книгах [4, 191]. Все эти издания труднодоступны для исследователей и читателей.

¹⁷ Миролюбов Ю. П. Прабкино учение: Сборник рассказов. Мюнхен: Б. и., 1977. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 5.

²² Миролюбов Ю. П. Русская мифология: Очерки и материалы. Мюнхен, 1982. С. 278—279.

Список литературы

1. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм // Поэтика русской литературы начала XX века. — М.: Издательская группа «Прогресс»-«Универс», 1993. — С. 284—328.
2. Баран Х. Пасха 1917 г.: Ахматова и другие в русских газетах // Поэтика русской литературы начала XX века. — М.: Издательская группа «Прогресс»-«Универс», 1993. — С. 329—347.
3. Бондаренко М. И. Традиции «рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840—1890-х годов: дис. ... канд. филол. наук. — Коломна, 2006. — 190 с.
4. Велесова книга. Славянские Веды / сост., перев., предисл., коммент., статьи Д. М. Дудко. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 400 с.
5. Горшкова С. Е. Пасхальный рассказ в круге детского чтения в конце XIX—начале XX века в России // Актуальные проблемы православной теологии: междунар. сб. науч. тр. — Тверь: Тверской государственный университет, 2011. — С. 59—77.
6. Горшкова С. Е. Святочный рассказ в круге детского чтения в конце XIX—начале XX века // Родная словесность в школе и вузе. — Тверь: Тверской государственный университет, 2006. — С. 72—82.
7. Дмитренко С. Ф. Рассказы К. Паустовского в «Правде» 1930-х годов: Текст и контекст // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения: Сборник. — М.: Мир Паустовского, 2002. — Вып. 2. — С. 162—177.
8. Душечкина Е. В., Баран Х. «Настали вечера народного веселья...»: предисловие // Чудо рождественской ночи: святочные рассказы. — СПб.: Худож. лит., 1993. — С. 5—32.

9. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. — СПб.: Издательский отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. — 258 с.
10. Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. — СПб.: Норинт, 2002. — 416 с.
11. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 562 с.
12. Есаулов И. А. Проблема изучения контекста в поэтике Шмелева // Наследие И. С. Шмелева: текст, контекст, интертекст: XV Крымские международные Шмелевские чтения. — Алушта, 2006. — С. 187—197.
13. Зализняк А. А. О «Велесовой книге» // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. — М.: Институт археологии РАН, 2011. — С. 97—114.
14. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. — Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. — С. 249—261.
15. Казак В. Лексикон русской литературы XX века [пер. с нем.]. — М.: РИК «Культура», 1996. — XVIII, 491 с.
16. Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальный рассказ, модернистская новелла). — Волгоград: Перемена, 2000. — 246 с.
17. Козина Т. Н. Пасхальный рассказ в русской словесности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 6. — С. 376—380.
18. Козина Т. Н. Возвращение жанра: пасхальный рассказ в современной прозе // Известия Самарского научного центра РАН. — 2011. — Т. 13. — № 2. — С. 159—162.
19. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940: в 4 т. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. — Т. 2: Периодика и литературные центры. — 640 с.
20. Паламарчук П. Г., Филатова А. И. Ширяев Борис Николаевич // Русские писатели. XX век: в 2 ч. / под ред. Н. Н. Скатова. — М., 1998. — Ч. 2. — 656 с.
21. Русская литература в эмиграции: сб. ст. под ред. Н. П. Полторацкого. — Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур, 1972. — 422 с.
22. Савельев П. [Казанцев Ю.] Писатель-монархист: к 100-летию со дня рождения Бориса Ширяева // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1989. — № 2048. — 4 ноября.
23. Творогов О. В. «Влесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1990. — Т. XLIII. — С. 170—254.
24. Фостер Л. Библиография русской зарубежной литературы: 1918—1968. В 2 томах. — Boston, Mass.: G. K. Hall and C°, 1970. — Т. 1: А-К. — С. I—LVII, 1—681. — Т. 2: Л-Я. — С. 682—1374 с.
25. Что думают ученые о «Велесовой книге»: сб. ст. / сост. А. А. Алексеев. — СПб.: Наука, 2004. — 238 с.

26. Ширяев Б. Религиозные мотивы в русской поэзии. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1960. — 80 с.

Sergey F. Dmitrenko

*The M. Gorky Literary Institute
(Moscow, Russian Federation)
sergdmnitrenko@yandex.ru*

CHRISTMAS AND EASTER THEMES IN THE LITERARY HERITAGE OF YURIY MIROLYUBOV

Abstract. A Russian emigrant writer Yuri Miroyubov (1892—1970) wrote a lot about Slavic antiquities. His name is associated with the origin of a legendary “The book of Veles” (Veslova kniga). This article studies his literary works in a historical and literary context, thematically associated with Christmas and Easter. The son of a priest, Miroyubov was able to create original Christmas and Easter tales. As a priest’s son Miroyubov managed to create indigenous Christmas and Easter stories. He brought back an already existing genre tradition of Christmas and Easter literature to its folklore origins, freed it from absolutely literary accretions and narrative stereotypes. Yuri Miroyubov strived to put the Christmas and Easter stories beyond moral (much less entertaining) literature, put them in the mainstream of a folk, “Russian epic” (Ivan Shmelyov). That was a definition given by an author Ivan Shmelyov to his writing “The Lord’s summer” (Leto Gospodne), who also updated the Canon of Russian calendar (Christmas and Easter) literature in his own way. In fictional prose Yuri Miroyubov acted as a scientist-ethnographer, a sensitive receptionist of everyday phenomena and psychological states. But in the works defined as scientific, he became a true artist, who felt free to deal with the most complicated and poorly studied material, however, existing in the depths of people’s consciousness.

Keywords: Yuri Miroyubov, a Christmas story, Easter story, Russian folklore, Russian Abroad

References

1. Baran Kh. Dorevolutsionnaya prazdnichnaya literatura i russkiy modernism [Pre-revolutionary holiday literature and Russian modernism]. *Poetika russkoy literatury XX veka* [The poetics of Russian literature of the 20th century]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1993, pp. 284—328.
2. Baran Kh. Paskha 1917 goda: Akhmatova i drugie v russkikh gazetakh [Easter 1917. Akhmatova and others in Russian newspapers]. *Poetika russkoy literatury XX veka* [The poetics of Russian literature of the 20th century]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1993, pp. 329—347.
3. Bondarenko M. I. *Traditsii «rozhdestvenskikh povestey» Dikkensa v ruskom svyatochnom rasskaze 1840—1890-kh godov. Dis. ... kand. filol.*

- nauk* [The tradition of “Christmas stories” by Dickens in a Russian Christmas story of the 1840s—1890s. PhD. philol. sci. diss.]. Kolomna, 2006. 190 p.
4. *Velesova kniga. Slavyanskie Vedy* [The book of Veles. Slavic Vedas]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 400 p.
 5. Gorshkova S. E. Paskhal’nyy rasskaz v krugе detskogo chteniya v kontse XIX—nachale XX veka v Rossii [An Easter story in terms of children’s reading in the late 19th and—early 20th century in Russia]. *Aktual’nye problemy pravoslavnoy teologii* [Actual problems of Orthodox theology]. Tver’, Tver State University Publ., 2011, pp. 59—77.
 6. Gorshkova S. E. Svyatochnyy rasskaz v krugе detskogo chteniya v kontse XIX—nachale XX veka [A Christmas story in the terms of children’s reading in the late 19th and—early 20th century]. *Rodnaya slovesnost’ v shkole i vuze. Mezhhuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Native literature in school and University. Interuniversity collection of scientific papers]. Tver’, Tver State University Publ., 2006, pp. 72—82.
 7. Dmitrenko S. F. Rasskazy K. Paustovskogo v «Pravde» 1930-kh godov: Tekst i kontekst [Stories of K. Paustovsky in “The Truth” of the 1930s: the Text and the context]. K. G. Paustovskiy. *Materialy i soobshcheniya* [K. G. Paustovsky. Materials and reports]. Moscow, Mir Paustovskogo Publ., 2002, pp. 162—177.
 8. Dushechkina E. V., Baran Kh. «Nastali vechera narodnogo vesel’ya...» [“It’s a night of folk fun...”]. *Chudo rozhdestvenskoy nochi: svyatochnyye rasskazy* [The miracle of Christmas night: Christmas stories]. Saint-Petersburg, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1993, pp. 5—32.
 9. Dushechkina E. V. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra* [A Russian Christmas story: formation of the genre]. Saint-Petersburg, Izdatel’skiy otdel Yazykovogo tsentra SPbGU Publ., 1995. 258 p.
 10. Dushechkina E. V. *Russkaya elka: Istoriya, mifologiya, literatura* [The Russian Christmas tree: History, mythology, literature]. Saint-Petersburg, Norint Publ., 2002. 416 p.
 11. Esaulov I. A. *Paskhal’nost’ russkoy slovesnosti* [An Easter spirit of Russian literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 562 p.
 12. Esaulov I. A. Problema izucheniya konteksta v poetike Shmeleva [The problem of studying the context in the poetics of Shmelev]. *Nasledie I. S. Shmeleva: tekst, kontekst, intertekst* [The legacy of I. S. Shmelev: text, context, intertext]. Alushta, 2006, pp. 187—197.
 13. Zaliznyak A. A. O «Velesovoy knige» [About “The book of Veles”]. *Fal’sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [Perversion of historical sources and formation of ethnocratic myths]. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2011, pp. 97—114.
 14. Zakharov V. N. Paskhal’nyy rasskaz kak zhanr russkoy literatury [An Easter story as a genre of Russian literature]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994. Vol. 3: *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian Literature of the 18th—20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 1, pp. 249—261.

15. Kazak V. *Leksikon russkoy literatury XX veka* [The lexicon of Russian literature of the 20th century]. Moscow, RIK Kul'tura Publ., 1996. XVIII, 491 p.
16. Kalenichenko O. N. *Sud'by malykh zhanrov v russkoy literature kontsa XIX—nachala XX veka (svyatochnyy i paskhal'nyy rasskaz, modernistskaya novella)* [The destiny of small genres in Russian literature of the late 19th and—early 20th centuries (a Christmas and Easter story, a modernist Novella)]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 246 p.
17. Kozina T. N. Paskhal'nyy rasskaz v russkoy slovesnosti [An Easter story in Russian literature]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I Lobachevskogo* [A Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2010, no. 6, pp. 376—380.
18. Kozina T. N. Vozvrashchenie zhanra: paskhal'nyy rasskaz v sovremennoy proze [The return of the genre: an Easter story in modern prose]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [A Bulletin of Samara scientific center of RAS], 2011, vol. 13, no. 2, pp. 159—162.
19. *Literaturnaya entsiklopediya Russkogo Zarubezh'ya. 1918—1940. V 4 tomakh. Periodika i literaturnye tsentry* [Literary encyclopedia of the Russian Abroad. 1918—1940. In 4 vols. Periodicals and literary centers]. Moscow, The Russian Political Encyclopedia Publ., 2000, vol. 2. 640 p.
20. Palamarchuk P. G., Filatova A. I. Shiryaev Boris Nikolaevich [Shiryaev Boris Nikolayevich]. *Russkie pisateli. XX vek: v 2 chastyakh* [Russian writers of the 20th century: in 2 chapters]. Moscow, 1998, part 2. 656 p.
21. *Russkaya literatura v emigratsii* [Russian literature in exile]. Pittsburg, Otdel slavyanskikh yazykov i literatur Publ., 1972. 422 p.
22. Savel'ev P. [Kazantsev Yu.] Pisatel'-monarkhist: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Borisa Shiryaeva [Writer and monarchist: to the 100th anniversary since the birth of Boris Shiryaev]. *Nasha strana* [Our country], Buenos Aires, 1989, no. 2048, 4 November.
23. Tvorogov O. V. «Vlesova kniga» [The book of Veles]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, vol. XLIII, pp. 170—254.
24. Foster L. *Bibliografiya russkoy zarubezhnoy literatury: 1918—1968. V 2 tomakh* [Bibliography of Russian literature: 1918—1968. In 2 vols.]. Boston, Mass.: G. K. Hall and C° Publ., 1970, vol. 1, pp. I—LVII, 1—681, vol. 2, pp. 682—1374.
25. *Chto dumayut uchenye o «Vlesovoy knige»* [What scholars think about “The book of Veles”]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004. 238 p.
26. Shiryaev B. *Religioznye motivy v russkoy poezii* [Religious motifs in Russian poetry]. Bruxelles, Zhizn' s Bogom Publ., 1960. 80 p.

Дата поступления в редакцию: 15.08.2015